

МАРИЯ ГАРАНИНА

автор популярных блогов на LiveJournal и Яндекс.Дзен

18+

ЗАПИСКИ ИСТОРИЧЕСКОЙ СПЛЕТНИЦЫ

О жизни королевских особ
и аристократов XII-XVIII вв.

Путешественники во времени (Эксмо)

Мария Гаранина

**Записки исторической сплетницы.
О жизни королевских особ и
аристократов XII-XVIII вв.**

«Эксмо»

2020

УДК 791.43
ББК 85.374

Гаранина М.

Записки исторической сплетницы. О жизни королевских особ и аристократов XII-XVIII вв. / М. Гаранина — «Эксмо», 2020 — (Путешественники во времени (Эксмо))

ISBN 978-5-04-115936-8

Англия, Франция, Испания – последние 700 лет эти страны ни много ни мало определяли судьбы мира. Но что происходило там – за фасадом богатых дворцов? Об этом нам расскажет Мария Гаранина, автор популярного блога на LiveJournal и Яндекс.Дзен, которая разбирается в придворных интригах так, будто сама в прошлой жизни пожила при дворе Тюдоров и Ланкастеров, Валуа и Бурбонов: кажется, иначе в таких деталях историю знать нельзя. Она сталкивает противоречивые версии одних и тех же событий, показывает, на какие ухищрения шли действующие лица, чтобы достигнуть своих целей, выдвигает собственные версии произошедшего. Главное же – то, что Мария замечательный рассказчик. Читателям этой книги скучать точно не придётся.

УДК 791.43

ББК 85.374

ISBN 978-5-04-115936-8

© Гаранина М., 2020

© Эксмо, 2020

Содержание

Мария Гаранина	5
Предисловие автора	6
Как женился один безземельный король	7
Как Филипп Красивый с папой поссорился	11
Узник замка Беркли, или Беда от нежного сердца, трудолюбия и демократичности	16
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Мария Гаранина

Записки исторической сплетницы

Мария Гаранина

© Гаранина М., текст, 2020

© ООО "Издательство «Эксмо», 2020

Предисловие автора

Здравствуйтесь, меня зовут Мария Гаранина, и я сплетница. Да, знаю, собирать сплетни – не самое благородное увлечение. Однако в свое оправдание должна заметить, что интересуют меня сплетни исключительно исторического характера.

Горько признавать, но после прочтения исторических научных трудов в памяти у меня обычно остается информация на важнейшие темы: «кто с кем», «кто от кого», «кто кому по морде» и т. п. Если кто-то сомневается, что эти темы в историческом плане действительно самые важные, то пусть немедленно перестанет. Сильные мира сего тоже люди, у них всегда были свои большие и маленькие слабости, что трогательно сближает их с остальным населением. С той лишь разницей, что слабости рядовых граждан редко вызывают мировые потрясения и обычно приводят к довольно скромным последствиям. Например, вы опоздали на работу на восемь минут и лишились премии; весы после Нового года странные трехзначные числа демонстрируют; муж ключи от машины отобрал и подал на развод; с полицией пришлось объясняться, когда ее вызвали соседи, потому что вы Второй концерт Рахманинова без наушников в три часа ночи во всю мощь слушали и т. д.

Другое дело, когда слабости и капризы проявляли короли/королевы, принцы/принцессы, папы римские, а также примкнувшие к ним герцоги, графы, бароны и куртизанки. Могло так шандарахнуть – хоть святых выноси. Причем достаться могло не отдельным персонам, а целым государствам. Так что аккуратнее надо было вышеуказанным сиятельным особам жениться, любить, дружить, делать политические заявления и даже молиться. А они в большинстве своем не хотели быть аккуратными, считая, что могут все себе позволить и что ничего плохого не случится. Вот пусть теперь и не обижаются, что я безжалостно препарирую их личную и общественную жизнь в своих записках, причем делаю это с нескрываемым удовольствием.

Конечно, в одной книге – да и в целом собрании сочинений – не охватить всего богатого материала для исторических сплетен. Так что у меня выборочно попали под раздачу только некоторые значимые персонажи европейской истории, жившие и творившие что попало в XII–XVIII веках. Это и неудачно женившиеся короли, и неудачно вышедшие замуж королевы, и удачно НЕ вышедшие замуж королевы (о них сплетен традиционно больше), и короли, которые женились удачно, но не оценили своей удачи в силу скверного характера, и проблемные родственники монархов, и создающие массу неприятностей одним своим существованием фавориты и фаворитки, и воинственные принцессы, которых замуж долго не брали, а когда взяли, выяснилось, что лучше бы и не брали вовсе. Всех в кратком вступлении и не перечислишь. Указанные персонажи попали в сборник, потому что милы моему авторскому сердцу и вызывают здоровое любопытство, как никто другой.

Осторожно, в тексте упоминаются измены, таинственные убийства, сексуальные скандалы, бессовестная коррупция, чрезмерное употребление алкогольных напитков – в общем, те вещи, которые могут при определенных условиях до неузнаваемости изменить мир. Вот только сцен употребления табака, пожалуй, данное произведение не содержит – чего нет, того нет.

Скучно точно не будет. А познавательно – будет! Во всяком случае, я очень на это надеюсь.

Как женился один безземельный король

Главный герой: Иоанн Безземельный, король Англии.

Место действия: Англия, Франция.

Время действия: 1200–1216 годы

То есть не совсем безземельный. У английского короля Иоанна Безземельного, несмотря на прозвище, земель было предостаточно. Безземельность его осталась в далекой юности, когда были живы его старшие братья и отец, король Англии Генрих II из Анжуйской династии, получившей название Плантагенеты. Старших братьев было аж трое, но ведь и имущества, мягко говоря, немало: помимо Англии, Генрих владел обширными территориями во Франции, плюс сюда вотчину его супруги Алиеноры – богатейшее герцогство Аквитанское. Казалось бы, земель на десять принцев хватит. Однако Иоанн, как все младшие сыновья в сказках народов мира, был поначалу какой-то невезучий.

В один прекрасный момент Генрих II решил распределить между сыновьями владения во Франции: старшему, по прозвищу Генрих Молодой, – Нормандию, Анжу и Мэн, Ричарду – Аквитанию, Жоффрау – Бретань, а Иоанну – шиш с маслом. В качестве компенсации отец, правда, даровал младшему Ирландию и велел немедленно отправляться *to Dublin*. «Куда, блин?» – опешил Иоанн, потому что Ирландия котировалась далеко не так высоко, как французские территории. «Ту Даблин!» – отрезал папа, который, правду сказать, по-английски вообще не говорил, даром что король Англии. Из Ирландии наш Иван-царевич английского разлива вернулся довольно быстро, потому что деньги кончились. Но что там Ирландия, когда его в дальнейшем ожидали масштабные перемены в общественном и имущественном статусе!

Не все вышеуказанные счастливицы, щедро наделенные ценными землями, сумели дожить до светлого будущего – до короны. Генрих Молодой и Жоффрау умерли еще при жизни отца. Поцарствовать успел только Ричард, известный под партийной кличкой Львиное Сердце. Ко времени описываемых мной событий (а это рубеж XII–XIII веков) безвременно скончался и Ричард, причем будучи бездетным. Наследник мужского пола имелся только у одного брата – Жоффрау, герцога Бретонского. Но получил все, чем владела семья, вовсе не он, а младший и самый живучий из сыновей Генриха II, Иоанн.

Правда, Ричард Львиное Сердце в качестве наследника решительно предпочитал своего племянника Артура, герцога Бретонского, а брата недолюбливал (а вы бы любите родственника, который уговаривал бы ваших врагов подольше не выпускать вас из плена, а сам зарился бы на ваше имущество?). Но где тот герцог Бретонский? Он слишком далеко. А Иоанн – хоть плохонький, да свой, решил Ричард, а вслед за ним и население Англии. И эта ущербная логика аукнулась потом всей стране. Хотя можно только догадываться, оказался бы Артур на таком высоком посту лучше своего дядюшки или нет. Скажем откровенно, тоже тот еще фрукт был.

Итак, Иоанн получил корону и правил, как мог, страной и людьми. Но песня, как водится, не о нем, а о любви. Решил король жениться. Он уже был однажды женат не понравилась – на наследнице графа Глостера, но еще до коронации супругов развели из-за кровного родства. Такое в королевской тусовке случалось сплошь и рядом: живешь себе с супругой годами, а потом, когда брак тебе больше невыгоден, внезапно вспоминаешь, что вы, оказывается, родственники. Вот удивительно, как это мы просмотрели! И бежишь к папе римскому с заявлением о разводе. Так вот и тут. Надоела Иоанну бездетная жена. Он довольно быстро получил развод и стал свататься к португальской принцессе.

А тут параллельно решил жениться его аквитанский вассал, граф Гуго де Лузиньян. На единственной дочке графа Ангулемского Изабелле, с которой уже давно был помолвлен. Но брак не состоялся, потому что к невесте вспылал чувствами сам король Иоанн. Не будем тут говорить о моральном облике этого малосимпатичного самодержца и о его любовных при-

страстях – Изабелле было примерно двенадцать лет. Во-первых, по каноническому праву¹ невеста уже достигла брачного возраста. Во-вторых, неизвестно, что руководило Иоанном – любовная страсть или горячее желание хапнуть себе в собственность графство Ангулемское. Помолвка Изабеллы его ничуть не смутила и препятствием не стала. Скорее наоборот: он был даже рад, что его строптивому вассалу не удастся усилить свои позиции, прибрав к рукам Ангулем. Сватался он, наверное, как царь у Леонида Филатова в «Сказе про Федота-стрельца, удалого молодца»:

*Ты мне, девка, не дури!
Предлагают – дак бери!
Чай, к тебе не каждый вечер
Ходют вдовьяе царя разведенные короли!..*

*Сей же час, я говорю,
Собирайся к алтарю!
Очумела от восторга,
Дак нюхни нашатырю!*

Очумел от восторга, скорее, папа девушки: еще бы, дочка будет не графиней, а – бери выше! – королевой! То есть граф Ангулемский воспринял сватовство короля с большим энтузиазмом. А дочка просто подчинилась. Вот так Иоанн Безземельный увел у своего вассала невесту.

Ну увел и увел, дело житейское. Брак в те темные времена рассматривался прежде всего как сделка, а сделки имеют свойство срываться. Но по сложившемуся этикету, если договоренность была нарушена, виновник этого должен был вежливо извиниться перед пострадавшим и как-то компенсировать потерю: мол, ты уж прости, товарищ Лузиньян, вот тебе немножечко денег, вот тебе новый замок, вот тебе мои личные королевские контакты – обращайся в любое время, всегда помогу. Но не таков был король. Иоанн и благородство – понятия из параллельных вселенных. Он с презрением посмотрел на проигравшего соперника и повел себя опять же по Филатову:

*Ну-ко, мигом эту кралю
Мне доставить во дворец!*

*А коварного стрельца
Сей же час стереть с лица,
Чтобы он не отирался
Возле нашего крыльца!..*

Умные люди его наверняка предупреждали:

*Умыкнуть ее – не труд,
Да народец больно крут:
Как прознают, чья затея, —
В порошок тебя сотрут!*

¹ *Каноническое право* – перечень декретов и правил, составляющих основу церковного законодательства.

Но все без толку. Чувство собственной значимости снесло Иоанну крышу и окончательно лишило осторожности.

Гуго де Лузиньян обозлился и отправился искать справедливости у французского короля Филиппа II Августа. Это был красивый старинный обычай, которого строго придерживались еще братья Иоанна Безземельного: возник конфликт со своим королем – сразу бежишь к французскому с жалобой на то, как тебя, сироту, обидели. И французский король все разруливает. Правда, практически всегда в выигрыше почему-то оказывается только этот самый французский король, а остальные, как дураки, с битой мордой возвращаются на исходные позиции. Но, видимо, к тому моменту еще не набралась убедительная статистика, поэтому Лузиньян решительно направился к французскому двору. А так как граф он был авторитетный, то и других на свою сторону перетянул.

Явился Лузиньян к королю Филиппу Августу и говорит: «Государь, да что же это делается: невесту умыкнули, ничего взамен не дали – где справедливость, я вас внимательно спрашиваю? Он же твой вассал, сделай что-нибудь!» Филипп Август выслушал и очень обрадовался: понял, что теперь есть у него методы против Кости Сапрыкина, как в известной фразе из фильма «Место встречи изменить нельзя». Он уже давно мечтал отхватить себе земли Плантагенетов на континенте, но как-то неудобно было начинать без всяких на то оснований. А тут ему это основание принесли на блюдечке прямо к подножию трона.

Едва сдерживая радость, король сделал скорбное и понимающее лицо и сказал: «Разделяю твое возмущение, Гуго, дорогой ты мой человек. Как же земля носит таких тиранов, супостатов и вообще сволочей? Ну ничего, мы его вызовем в суд и рассудим по справедливости. Наш королевский суд – самый гуманный суд в мире!» И действительно отправил повестку английскому коллеге: гражданин Плантагенет И. Г. вызывается в суд в качестве ответчика по делу об умыкании невесты. Иоанн, когда ее получил, глазам своим не поверил. Перечитал еще раз и впал в бешенство. «Я, – кричит, – такой же король! Как смеет этот француз меня судить! Да что он о себе возомнил!» А Филипп Август, смахивая пылинки с мантии, невозмутимо отвечает: «Какой ты там король, мне это совершенно однофигственно. Я тебя вызываю как сюзерен вассала, герцога Аквитанского. А что ты по совместительству еще и король Англии, так это твои глубоко личные кадровые трудности. Изволь явиться и представить свои доводы».

Иоанн, понятное дело, на суд не поехал. Филиппу Августу, разумеется, только того и надо было. Он объявил несговорчивого коллегу виновным заочно и постановил конфисковать его французские владения. Во исполнение этого судебного решения Филипп Август для начала вторгся в Нормандию – и понеслось.

Говорили, что мать Иоанна Безземельного Алиенора Аквитанская скончалась, впав в отчаяние и ярость, когда узнала о падении замка Шато-Гайар. Алиеноре на тот момент было уже за восемьдесят, возраст более чем почтенный и в наше время, а уж тогда и вовсе мало кто доживал до таких лет. Так что вряд ли требовались какие-то специальные переживания, чтобы ускорить ее кончину. Однако если информация до нее дошла, она имела все основания горевать и гневаться. Замок был построен ее любимым сыном Ричардом Львиное Сердце и считался неприступной твердыней. И вот он внезапно в руках французов.

Но это еще что: за два года войны с Францией английский король потерял Нормандию, Анжу, Мэн и частично Аквитанию. Это уже само по себе было фиаско. Но дальше произошло еще много интересного: интердикт², наложенный папой римским на Англию и отлучение Иоанна от церкви, признание английского короля вассалом папы римского с обязательством

² *Интердикт* – временное запрещение всех церковных действий и треб, налагаемое папой или епископом; инструмент борьбы средневекового высшего духовенства со светской властью. И. налагался чаще всего на население целой страны, региона или города.

платить кучу денег ежегодно, конфликты и войны с баронами, Великая хартия вольностей. То есть, мягко говоря, катастрофа по всем фронтам. Бароны докатились до того, что призвали на престол наследника Филиппа Августа, Людовика. Но в разгар гражданской войны, к всеобщему счастью, от дизентерии (а может, от яда, что было бы совсем не удивительно) умер Иоанн. И где-то чуть ли не в чистом поле и при помощи первого попавшегося под руку предмета, отдаленно напоминающего корону, был возведен на трон его малолетний сын Генрих III. Бароны облегченно выдохнули и сказали Людовику: «Все, чувак, отбой. У нас теперь нормальный король имеется. Ты иди домой, к папе». Тот и пошел, хотя и расстроился слегка: еще бы, такой шанс упущен.

А с Изабеллой Иоанн жил хорошо. Ну как – хорошо? Заботился о ней, как мог. Изменял, правда, на каждом шагу. Он вообще себя в сексуальном плане сдерживать не привык. Бароны его еще и поэтому недолюбливали: жен, дочерей и сестер приходилось держать под неусыпным надзором, чтобы уважаемый сюзерен к ним не подобрался. Изабелла, по слухам, тоже налево хаживала, но слухи уж очень темные и неконкретные, так что всерьез с ними считаться достаточно трудно. Вряд ли она мужа любила, но вот поддерживала всегда, понимая, что его интересы – ее интересы. И родила ему пятерых детей.

Овдовев, Изабелла вышла замуж то ли за своего прежнего жениха, то ли за его сына. Последнее маловероятно, учитывая, сколько тому сыну могло быть лет на момент брака. Но кто его знает – средневековые женщины в возрасте под тридцать вполне могли выходить за подростков, не попадая в поле зрения правоохранительных органов. Во всяком случае, в семью Лузиньянов она в итоге вошла. И началась у нее жизнь ничуть не менее увлекательная, чем в бытность королевой Англии. Но это совсем другая история.

Как Филипп Красивый с папой поссорился

Главные герои: Филипп IV, король Франции, Бонифаций VIII, папа римский.

Место действия: Франция, Рим и его окрестности.

Время действия: 1296–1303 годы

Вы, может, удивитесь, но в итальянских университетах на юридических факультетах по сей день программа предусматривает такой предмет, как каноническое право. Никаких иллюзий о его прикладной ценности, боюсь, не питают даже сами профессора. Но ценность ценностью, а изучать его ужасно интересно, не оторвешься. Откуда есть пошла католическая церковь, как она позиционировала себя в разное время, в каких сферах рулить пыталась, в каких действительно рулила, как относилась к земным владыкам и что предлагала своей пастве – и так далее. Конечно, это тема для большого и серьезного разговора, а у нас тут что? Правильно, сплетни. Так что не буду отклоняться от выбранного курса. Напишу тут только об одном эпизоде, навеянном мне музыкой канонического права, – эпизоде с участием известных средневековых персонажей.

Все (или почти все) любят писателя Мориса Дрюона. А раз любят, значит, помнят, что в романе «Железный король» есть такой персонаж – Гийом де Ногарэ, советник и хранитель печати французского короля Филиппа IV, прозванного за заслуги перед отечеством Красивым. И вот этот самый Ногарэ так усердно служил королю на пути укрепления королевской власти и разностороннего развития страны, что враги прогресса не выдержали и решили его отравить: подмешали ему какой-то дряни в свечу. А Ногарэ имел привычку работать ночами напролет и, следовательно, расходовать много свечей, сжигая их до конца, а не то, что на прикроватную тумбочку поставить и через три минуты задуть. Вот и надыхался в короткий срок отравленной гадостью – не откачали. Товарищи! Соблюдайте режим труда и отдыха! Будете работать, как Ногарэ, тоже свалитесь, даже без всякой дополнительно отравы. Не упрощайте врагам жизнь.

Так вот, пока советник короля в мучениях умирал, ему в кошмарах являлись люди, которых он либо убил, либо как-то тяжело обидел. И все эти люди предъявляли ему справедливые претензии, всем своим видом намекая, что умри он только – они до него доберутся. Одним из таких беспокойных посетителей был папа – не его, Ногарэ, папа, а римский. Вот как описывает эту сцену Дрюон в своем романе:

И из самой густой тьмы возникла крупная фигура папы Бонифация VIII, заполнив то необъятное пространство, которым стал сам Ногарэ, вмещавший в себя горы и доли, где шествовали на Страшный суд несметные толпы.

– Сын катаров!

И голос Бонифация VIII вызвал в памяти Ногарэ самую страшную страницу его жизни. Он увидел себя ослепительно ярким сентябрьским днем, какими так богата Италия, во главе шестисот всадников и тысячи ратников поднимающимся к скале Ананьи. Чиарра Колонна, заклятый враг Бонифация, тот, что предпочел участь раба и три долгих года, закованный в цепи, на галере неверных скитался по чужеземным морям, лишь бы его не опознали, лишь бы не попасть в руки папы, – этот Чиарра Колонна скакал с ним бок о бок. Тьерри д'Ирсон тоже участвовал в походе. Маленький город открыл перед пришельцами ворота; дворец Газтани был захвачен в мгновение ока, и, пройдя через собор, нападающие ворвались в священные папские палаты. В просторной зале не было ни души, только сам папа, восьмидесятишестилетний старец с тиарой на голове, подняв крест,

смотрел, как приближается к нему вооруженная орда. И на требования отречься от папского престола отвечал: «Вот вам вяя моя, вот голова, пусть я умру, но умру папой». Чиарра Колонна ударил его по лицу рукой в железной перчатке.

– Я не позволил его убить! – кричал Ногарэ из той бездны, что зовется агонией.

Город был отдан на поток и разграбление. А еще через день жители переметнулись во вражеский лагерь, напали на французские войска и ранили Ногарэ; он вынужден был бежать. Но все же он достиг цели. Разум старика не устоял перед страхом, гневом и тяжкими оскорблениями. Когда Бонифация освободили, он плакал, как дитя. Его перевезли в Рим, где он впал в буйное помешательство, поносил всех, кто к нему приближался, отказывался принимать пищу и на четвереньках, как зверь, передвигался по комнате, охраняемой надежной стражей. А еще через месяц французский король мог торжествовать – папа скончался, прокляв и отвергнув в припадке бешенства святые дары, которые принесли умирающему.

Ага, зашибись, как хорошо жизнь прошла, есть что вспомнить: глубокого пенсионера железной перчаткой по лицу – так вообще-то и шею свернуть можно. В чем там душа у того папы держалась и как в таких военно-полевых условиях он умудрился до указанного возраста (восемьдесят семь лет) дожить, вообще непонятно. А тут еще эти отморозки из заплеванной подворотни: назовем так обоих, поскольку пощечину инкриминировали также Ногарэ, не только Колонне. Правда, нудные хронисты, а за ними и историки, не желающие расцветить историческую действительность элементами кровавой драмы, утверждают, что никакой пощечины не было. Просто ворвались в нарекое-помещение и в малоцензурных выражениях попросили добровольно освободить кресло для более достойного кандидата. Но и это была с их стороны уж очень большая наглость: папа все-таки. Глава христианского мира, духовный лидер, так сказать. Довели старичка. Кстати, в реальности не был Бонифаций таким уж пожилым: около семидесяти лет ему было. А все равно не выдержал потрясений и вскоре после освобождения скончался. Ну вот разве можно так с понтификами поступать?

Надо сказать, что в жизни Бонифация VIII было мало событий, которые могли бы характеризовать его как нежную фиалку и невинную ромашку полевую. Вел он дела жестко и от принципов своих не отступал. С энтузиазмом утверждал главенство церкви в делах светских и свое несомненное право с полным основанием влезать туда, куда не просят. И влезал. И совершенно закономерно, что его интересы в один прекрасный момент пересеклись с интересами такого же упертого гражданина. Гражданин этот, уже упомянутый выше под именем Филипп Красивый, работал королем Франции и наивно полагал, что он в своей стране хозяин. Папа же пытался эти вредные иллюзии развеять и донести до царственного выскочки информацию, что хозяин во Франции, как и везде, на самом деле именно он, папа. «С фи́га ли?» – вежливо осведомлялся при случае Филипп. Папа отвечал буллами³, где что-нибудь или кого-нибудь запрещал, ограничивал, отлучал. Так и развлекались.

Началось все, как обычно, с бабля денег. Франция и Англия собирались воевать за тяжелое наследие Алиеноры Аквитанской – герцогство Гиень. На войну, как водится, нужны деньги, и Филипп Красивый довольно успешно пополнял казну, взимая налог с духовенства. Бонифаций, усмотрев в этом поправление прав церкви и лично дорогого товарища папы римского, запретил духовенству платить этим рэкетирам-мирянам, а мирянам – взимать любые платежи

³ Булла – официальный документ папы римского. Назывался так благодаря прикрепленной к документу свинцовой печати (лат. bulla), на которой были изображены апостолы Петр и Павел.

с духовенства без прямого разрешения римской курии⁴. А кто не подчинится, ~~отключим~~ ~~газ~~ отлучим от церкви. Филипп, ясное дело, возмутился, а подданные в едином порыве его поддержали. Они и так уже нехорошо в сторону церковников посматривали: дерут, понимаешь, с трудящихся три шкуры, а как скидываться на ~~банкет~~ войну, так они кошелек дома забыли и вообще не обязаны, потому что особенные.

Чувствуя поддержку населения, Филипп запретил вывоз золота и серебра из страны. Папа на этом терял значительную часть дохода, а как такое выдержать официальному бессребренику, для которого главная забота – душа? Вот именно, никак. А тут король еще своих легистов на него натравил. Это были юристы такие, но не те, которые, четыре года проучившись, легальность от легитимности не отличают, а настоящие, законы знали. И начали они излагать свои прогрессивные для конца XIII века идеи: дескать, аге, папа, новые песни придумала жизнь! Государство развивается, ~~е~~светская власть крепнет и приобретает авторитет, французы – подданные короля, а твое место – возле алтаря, и лучше бы тебе ограничиться духовной сферой влияния. В общем, это наша корова, и мы ее доим.

Папа вынужден был пойти на попятную и примириться с Филиппом. Буллу свою отменил и даже подкатил с предложением: а давай твоего дедушку, Людовика IX, канонизируем. А что, хороший был дедушка: в крестовые походы ходил, с неверными воевал (ну уж как мог, он старался), под дубом, опять же, сидел, жалобы посетителей там разбирал на управляющую компанию и грубость участкового терапевта с восьми до пяти без перерыва на обед. Ну реально святой! А что дедушка с Римом тоже некоторые разногласия имел, это мы из его резюме вычеркнем. С тех пор дедушка и стал известен широкой общественности как Людовик Святой.

Но конфликт, конечно же, на том исчерпан не был. Папа немного погодя издал очередную буллу, в которой утверждал, что он самый главный. Король, говорят, сжег эту буллу в соборе Парижской Богоматери. Никакого понятия о пожарной безопасности! Осторожнее надо быть в том соборе, недавние события это убедительно доказали⁵.

А тут еще епископ Памье в качестве папского легата⁶ во Францию прибыл, да как-то неаккуратно себя повел. Настолько неаккуратно, что его арестовали и обвинили: в предательстве, симонии⁷, богохульстве, ереси, блуде, колдовстве, убийстве Кеннеди, краже сырников ~~е~~ековородки, нарушении скоростного режима на объездной. Слуг епископа пытали, имущество конфисковали, все дела.

Папа, конечно, закричал королю, что это не его, короля, юрисдикция и вызвал его на ковер церковный Собор. Филипп приехать отказался, а вместо этого созвал первые Генеральные штаты и спросил у депутатов их мнение об этом алчном, скандальном и неприятном понтифике. Мнение было отрицательным. Даже духовные лица отправили папе коллективное письмо с просьбой разрешить им не посещать Собор, а то далеко и дорого, а толку – чуть. Папа заявил, что явка на ~~родительское собрание~~ Собор строго обязательна, но они все равно не поехали, потому что король запретил.

И напрасно – хоть поржали бы. Потому что папа для этого Собора подготовил совершенно бомбическую буллу, *Unam Sanctam*⁸ называлась. С ее помощью он предельно ясно продемонстрировал, что вся эта новомодная фигня с автономией светской власти и государственным суверенитетом ему до лампочки. Тут надо сказать, что еще в XIII веке папу римского

⁴ Римская курия – один из основных административных органов католической церкви, действующий от имени папы римского.

⁵ Речь идет о пожаре в соборе Парижской Богоматери в апреле 2019 года.

⁶ Папский легат – официальный представитель папы римского, отправляющийся в другие страны с поручением к правительству или монарху.

⁷ Симония – покупка и продажа церковных должностей.

⁸ Единый, святой (лат.).

переквалифицировали из викария (то есть наместника) святого Петра в викария самого Христа. Повысили в должности. Вот Бонифаций от этой предпосылки и плясал. Христос это кто? Правильно, наш Господь. А господствует Он не только над духовным, но и над материальным миром. То есть вообще над всеми вашими паршивыми королевствами. А Христос сейчас где? На небе. А заместитель Его на земле в Его отсутствие кто? Я!!! И у меня есть два меча – духовный и светский. Духовным я могу сам махать, а светский вам дуракам, то есть земным правителям, вручил, полномочия делегировал. И вы за каждый свой чих должны передо мной отвечать. А то выговор и освобождение ваших подданных от всяких обязательств по отношению к вам. А спасетесь ли на небесах вы и ваши подданные – «от мене зависит». Так что не быкуйте тут, а быстренько целуйте мне ноги и просите благословения, пока я никого посохом не прибил.

Выразился предельно ясно. Церковь, надо сказать, никогда потом не рассматривала эту буллу как вот прямо обязывающую и связывающую всех и каждого. Дедушка старый, пишет себе статью «Как нам реорганизовать Рабкрин» буллу, ну и пусть пишет. Королю Филиппу принесли распечатку, он оторвался от соцсетей, где как раз ставил дизлайки тамплиерам, бегло прочитал и говорит: «Опять папа ересь какую-то несет!» «Точно! Ересь! – подхватил один из его верных легистов Гийом де Ногарэ. – Филиппыч, ты гений!»

Созвать Собор и обвинить папу в ереси – это была шикарная идея. Правда, трудноисполнимая, потому что созывать Собор имел полномочия как раз понтифик, а он вряд ли будет столь любезен, что созовет церковников для собственного обвинения. Но лазейку нашли, так и сяк перекрутив разные церковные предписания. Да и сам Бонифаций когда-то неосторожно писал, что всякий, кто обвинен в ереси, должен считаться виновным, пока не оправдается перед компетентными товарищами. А если всякий, то почему не папа? Он что, особенный? На самом деле да, но кого это волновало.

В один прекрасный день Ногарэ поднялся на трибуну в Лувре и зачитал ходатайство королю о необходимости немедленно выступить против папы:

«...беззаконного, еретического, симонистского, закореневшего в своих преступлениях: его уста полны проклятий, его когти и клыки готовы проливать кровь; он терзает церкви, которые должен питать, и крадет имущество бедняков <...> он разжигает войну, он ненавидит мир, он – гнусность, предсказанная пророком Даниилом».

«Филиппыч, зацени: нормально, не перебор? – спросил Ногарэ короля. – Если я в Рим с такой презентацией поеду, ничего?» С трудом отогнав от себя навязчивый образ папы с окровавленными клыками, крадущегося в ночи за имуществом бедняков, несколько обалдевший король выступление одобрил и выписал командировочные удостоверения Ногарэ и его сопровождающим. Они и поехали. По дороге собирали всех недовольных политикой папы, вот, например, Колонну встретили, с собой взяли. Добравшись до места назначения – то есть сначала до Рима, а потом до города Ананьи, где папа проводил отпуск, – Ногарэ почувствовал себя неуютно: все-таки понтифик, большой авторитет в христианском мире, а ну как ноеёжом промежду глаз звезданет анафеме предаст, с него станется.

Помогло то, что папа и в отпуске работал. Стало известно, что он готовит буллу об отлучении французского короля от церкви. Ногарэ представил себе, что с ним сделает король, если он вернется домой с такой бумажкой, зажмурился и ломанулся в папские апартаменты, имея за спиной пятьсот-шестьсот всадников и тысячу пехотинцев. Ну и произошла вышеописанная сцена с не очень хорошими последствиями (нехорошими для папы, а для французского короля как раз наоборот).

Вот такая леденящая кровь история. А католическая церковь – она вообще-то молодец. Так отстаивала свое первенство, аж гул на всю Европу стоял. И идеи Бонифация VIII находили

понимание у церковников. Веку к XVI церковь вроде бы смягчилась: согласилась отдать цезарю цезарево, формально признав за королями владычество в сфере материальной и оставляя за собой – опять же формально – владычество в сфере духовной. И даже соглашалась, что есть такие чисто технические сферы управления, куда она, церковь, ни при каких обстоятельствах вмешиваться не может. То есть вроде бы «я в твои мечты не лезу, и ты в мои не лезь». На деле же церковь сохраняла именно за собой право определять, какая сфера чисто техническая, а какая не чисто. Ну грубо говоря, построить дорогу – техническая сфера? Ошибаетесь, уважаемый, это дело общественное – вполне может касаться церкви. Богоугодное это дело или не очень – зависит от того, сколько занести епископу местной епархии еще разобратся надо.

В общем, те же рэкет и вымогательство, облеченные в более благопристойную форму. Это как братки девяностых снимали малиновые пиджаки и толстые золотые цепи, бросили бегать по улице со стволами, переоделись в дорогие костюмы и засели в приличных офисах. А образ мышления остался тот же.

И земные правители отвечали симметрично: тут вам и вмешательство в выборы папы для проталкивания своих кандидатов, и угрозы, и насилие, и разграбление Рима, и все тридцать три удовольствия.

Так что все молодцы.

Узник замка Беркли, или Беда от нежного сердца, трудолюбия и демократичности

Главный герой: Эдуард II, король Англии.

Место действия: Англия, Франция.

Время действия: 1297–1327 годы

Английского короля Эдуарда II широкий круг читателей знает как одного из персонажей серии романов Мориса Дрюона «Проклятые короли». Конкретно этого короля никто, как ни странно, не проклял, но его личная судьба сложилась так, что даже врагу пожелать язык не поворачивается. Ну да, он был не слишком способен к королевскому ремеслу и как выдающийся монарх не состоялся. Но сколько таких его коллег-королей знает история – королей, неспособных нормально править и при этом ухитрившихся остаться в веках как мудрые и благородные правители. Однако далеко не каждый допрыгался, как Эдуард II, до свержения и скорой таинственной смерти в заключении.

Особенно бледно выглядел Эдуард на фоне своего отца, короля Эдуарда I. Тот действительно был велик и могуч. Королевская власть при нем укрепилась, парламент стал собираться регулярно, появились новые законы. Кроме того, Эдуард I покорил Уэльс и мечтал прибрать к рукам Шотландию, ведя там бесконечные войны. Легко догадаться, что такой решительный и воинственный политик отличался крутым характером, подданные его уважали и побаивались. Его сын такими данными не обладал, но папа все равно пытался приобщить его к королевским занятиям, потому что способен не способен, тут тебя никто не спрашивает – королем все равно стать придется. Принц оставался вместо отца регентом⁹, когда тот отлучался по своим военным делам, потом воевал с ним в Шотландии. Также папа-король назначил в свиту сына десять юношей из знатных семейств, чтобы он с ними общался и учился выстраивать отношения в коллективе. Ну Эдуард и выстроил, что сумел. Правда, не в коллективе, а индивидуально – с Пирсом Гавестоном, сыном гасконского барона. Скоро очаровательный Гавестон стал для принца дороже всего на свете.

В «Википедии» забавно цитируют некоторых исследователей, утверждающих, что между молодыми людьми возникла крепкая дружба «при очень близких рабочих отношениях», под флагом корпоративной культуры и в соответствии с трудовым кодексом. Что там за рабочие отношения, я не знаю. Знаю только, что большинство историков все-таки сходятся на том, что Эдуард с Гавестоном банально были любовниками. А то, что оба были женаты и имели детей, так одно другому не мешает. В общем, Эдуард старался удовлетворить любой каприз своего милого друга и даже попросил для него у папы графство Понтье (хорошее название, как раз для Гавестона – с его-то понтами!). В следующую минуту присутствовавшие при этой сцене граждане имели счастье наблюдать, как папа-король таскал наследника за вихры по всей комнате с дикими криками: «Да ты что, сукин сын, самозванец, казенные земли разбазариваешь! Так никаких вольетей графств не напасешься!» А потом и вовсе распорядился выслать Гавестона из страны, будучи не в силах выносить это безобразие в собственном доме. Надо сказать, что окружение короля и принца вздохнуло с облегчением: «Слава Богу, отвязались от него, от упыря!» (Л. Филатов). Но ненадолго. Потому что когда старый король умер в разгар войны с Шотландией, его преемник тут же вернул Пирса Гавестона по месту прописки. Ну это же первоочередная задача, понимать надо. И пусть весь мир подождет.

⁹ *Regent* – временный правитель, замещающий монарха, пока тот отсутствует (находится в походе, серьезно болен) или еще слишком мал, чтобы править самостоятельно.

Когда молодой Эдуард стал королем, склонности у него не изменились. Управлению страной он отдавался не сказать, чтобы с большим пылом: похоже, ему просто лень было этим заниматься. Турниры – любимое развлечение знати – терпеть не мог. Воевать не любил, хотя и приходилось. Охоту, правда, уважал, но больше всего ему нравилось лично дрессировать гончих и объезжать лошадей. Занимался спортом, в частности плаванием и греблей. А еще копал канавы, укладывал соломенные крыши, штукатурил стены, работал с металлом, мог самолично подковывать лошадей. В общем, руки у него росли из правильного места. Что и говорить, незаменимый работник в любом хозяйстве, мечта каждой женщины. Только не королевы Изабеллы, его жены, французской принцессы по происхождению и Французской Волчицы по прозвищу. Ее такой «муж на час» (остальные часы в сутках принадлежали фаворитам: сначала Гавестону, потом Хью Диспенсеру) совершенно не устраивал. Вот как она жалуется на мужа своему родственнику Роберу Артуа в романе Дрюона «Железный король»:

– Вот уже пятнадцать лет, как начали перестраивать Вестминстер! – гневно воскликнула Изабелла (слово «Вестминстер» она произносила на французский манер: «Вестмость»). – Шесть лет прошло со дня моей свадьбы, и все шесть лет я живу среди лопат и корыт с известью. Построят одно, а через месяц уже ломают. И не воображайте, что король любит каменные работы – он любит каменщиков! Вы думаете, они говорят ему «сир»? Они зовут его просто Эдуард, шутят над ним, а он от всего этого в восторге. Да посмотрите сами!

Эдуард II отдавал приказания, обнимая за шею молоденького рабочего. Во дворе царила какая-то двусмысленная фамиллярность...

Поклеп! Эдуард очень даже любил каменные работы сами по себе. И каменщиков тоже любил. И совсем необязательно в сексуальном смысле. Он запросто общался с каменщиками, конюхами, возчиками, мастеровыми, матросами и другими представителями пролетарских профессий. Это бы еще ничего, но король докатился до такой степени цинизма, что дружил с художниками и актерами! Кошмар, да? В общем, король-демократ. А на дворе, на минуточку, XIV век, не располагающий к продвижению идей свободы, равенства и братства.

Знатные английские бароны смотрели на простецкие занятия короля и его отношения с простолюдинами с раздражением: каждый должен заниматься своим делом. Эдуард в силу объективных причин не мог ознакомиться с классификацией видов монархии и поэтому не осознавал, что за окном монархия сословно-представительная, то есть власть короля не безгранична. Другое дело при абсолютизме, но до него еще дожить надо пару-тройку веков. А пока желательно считаться с мнением крупных феодалов, если не хочешь неприятностей. А король в основном считался с мнением своего фаворита. Плюс еще военные неудачи, которые отношения монарха с его знатными подданными тоже не оздоравливали. Поэтому между королем и баронами возникали серьезные разногласия, переходящие в акты неповиновения. Как, например, восстание под руководством королевского родственника Томаса Ланкастера.

В ходе восстания баронам удалось поймать Пирса Гавестона и обезглавить после скорого формального суда – то есть по беспределу. Эдуард был зол и убит горем, но вынужден простить мятежников ради мира в стране. Вскоре он завел себе нового фаворита, который оказался еще наглее, чем Гавестон, хотя поначалу такое трудно было представить. Папа нового королевского любимчика тоже подобрался поближе к трону. Отец и сын, оба по имени Хью Диспенсер, прибрали к рукам власть и вертели королем, как хотели. Отец был не лишен способностей политика. Его влияние на короля могло бы приносить пользу, если бы не аппетиты этой семейки, которые Эдуард с удовольствием удовлетворял. Ради своего любовника Хью-младшего он опустошил ларцы с драгоценностями, принадлежащие королеве, а также отнял у нее некоторые земли – опять же в пользу фаворита. Потом по подсказке Диспенсера младшего

Изабеллу отдалили от детей – мол, чтобы не оказывала на них дурного влияния. Хью вообще пытался свести роль королевы к минимуму и даже продвигал идею о разводе. Но развод – дело долгое, гораздо проще «ножичком по горлу – и в колодец», поэтому королева Изабелла начала опасаться за свою жизнь.

Бароны всего происходящего тоже, что характерно, не одобрили, и Томас Ланкастер попытался захватить земли, пожалованные Диспенсеру-младшему. На этот раз он потерпел поражение и был казнен. Его сторонники и товарищи по оружию сильно на короля обиделись. А лидером оппозиции, пришедшим на вакантное после казни Ланкастера место, стал считаться Роджер Мортимер, барон Вигморский. Отсидев какое-то время в Тауэре за участие в мятеже и сбежав оттуда, он нашел политическое убежище во Франции и стал ждать подходящего случая, чтобы взять реванш.

А Эдуард отправил свою жену Изабеллу во Францию в качестве посредницы на переговорах с французским королем Карлом IV. Туда же прибыл старший сын Эдуарда и Изабеллы, принц Эдуард, которого отец сделал герцогом Аквитанским и поручил принести оммаж¹⁰ королю Франции, потому что сам не хотел мотаться на континент. И вот очень зря Эдуард II их отпустил. Потому что Изабелла отказалась возвращаться. Я, говорит, боюсь, что меня убьют – ну после того, как меня так нагло ограбили, я имею право опасаться.

Эдуард и Диспенсер запаниковали, начали заваливать королеву и наследника трона льстивыми письмами, умоляя вернуться и обещая золотые горы. Но Изабелла, продемонстрировав, что она далеко не дура, на такую фигню не повелась и сына домой не отпустила. Вместо этого она заключила союз с Роджером Мортимером, который как раз болтался тут же по Парижу, и стала его любовницей. Вместе они начали разрабатывать план вторжения в Англию и свержения непутевого супруга Изабеллы.

Так и хочется написать, что, узнав об этом, Эдуард сменил тональность писем: «Волчица ты, тебя я презираю...» и «Нтибурдуквоу О, Мортимер, тебя я презираю, жены моей касаться ты не смей!» – отсюда и пошло прозвище Французская Волчица. Но не могу, потому что я всеми руками за историческую достоверность.

Заговорщики обратились к графу Вильгельму Геннегау (Эно), и вскоре, заручившись поддержкой графа и его брата Иоганна, войско, верное Изабелле и Мортимеру, высадилось на английском берегу. Эдуард пытался бежать вместе со своим фаворитом, но был схвачен Генри Ланкастером, братом казненного Томаса Ланкастера, и препровожден в замок Кенилворт.

Оба Диспенсера также были схвачены, и их почти сразу казнили. На Хью-младшем Изабелла отыгралась по полной. Его осудили за то, что он давал королю предательские советы и «побуждал не видеться с женою». Ничего себе! Спросит так король: «Где же моя молодая супруга?» Ты ему ответишь: «Да плюнь ты на нее!» А тебе за это – кастрация, повешение, четвертование и обезглавливание. Шучу. Кастрировали его не за дурные советы. Вероятно, Изабелла хотела доставить себе маленькую индивидуальную радость, наблюдая, как кастрируют человека, долго занимавшего ее место в королевской постели. Тут можно вспомнить, что давным-давно она ездила в Париж навестить папу, короля Филиппа Красивого, а заодно, чтоб два раза не вставать, сдала в руки правосудия своих блудливых невесток и их любовников. Ну может, и не сама Изабелла их сдала, но о казни тех самых любовников, братьев д'Онэ, она была хорошо осведомлена (там кастрация как раз входила в базовый пакет). Вот и решила королева перенять передовой опыт, ненавязчиво намекнув на личные пристрастия своего супруга всему свету.

С королем, конечно, так обойтись нельзя, даже если очень хочется. Для низложения Эдуарда собрали парламент. Епископ Орлетон, верный сторонник Изабеллы и Мортимера, произ-

¹⁰ Оммаж – в Средневековье церемония, в ходе которой землевладелец становился вассалом своего сюзерена.

нес знаменитую речь с цитатой из Книги Экклезиаста¹¹ «Болит моя голова». В смысле, не у него, Орлетона, болит, а в государстве проблемы, когда глава государства не так себя ведет, – мол, рыба гниет с головы. А может, ту речь и не сам Орлетон толкнул, а его последователь, епископ Винчестерский. Неважно, от смены ораторов головная боль не уменьшилась. Парламент проголосовал за низложение, вменив королю некомпетентность, нежелание следовать добрым советам, разорение королевства (вообще-то бери любого правителя и предъявляй ему все вышеуказанное – не ошибешься). На царство призвали молодого принца Эдуарда. А он не хотел принимать корону без согласия отца. Пошли уговаривать Эдуарда II. Результат предскажем – «папенька согласился».

И почти сразу же начались заговоры по освобождению свергнутого короля. Генри Ланкастер уволился по собственному желанию с должности тюремщика. Я, говорит, при выделенных мне средствах не могу гарантировать безопасность и неприкосновенность царственного узника. А вдруг заговорщики штурмом замок возьмут – мне что, короля убивать? Идите нафиг, он мой кузен как-никак.

Эдуарда перевели в замок Беркли, а сторожить его доверили Томасу Беркли и Джону Мальтраверсу – людям Мортимера, которому в данный момент уже принадлежала вся власть. Согласно легенде, по дороге в Беркли сопровождающие издевались над узником, как могли. Например, для бритья ему принесли холодной грязной воды из канавы. И Эдуард, плача, якобы сказал: «Теперь у меня будет теплая вода для бритья», имея в виду свои слезы. Приятно, что и говорить, немножко попинать поверженного льва. Высказывается предположение, что стражи с помощью издевательств надеялись сжить Эдуарда со света, чтобы не мешал больше никому, но все же для скорой смерти оскорблений и холодной воды для бритья маловато.

Впрочем, в Беркли с Эдуардом обращались сносно. А заговоры между тем продолжали плодиться. Далеко не каждому безумно нравился Мортимер и его политика. Вскоре он перестал нравиться вообще всем, кроме влюбленной Изабеллы. И нашлось немало охотников вернуть на престол законного короля. В один прекрасный день заговорщики даже освободили Эдуарда, но долго он на свободе не проходил: поймали и вернули в Беркли. В связи с такими тревожными событиями Окл, слуга Мортимера (у Дрюона Огл), привез в Беркли послание хозяина, которое, возможно, содержало приказ устранить неудобного царственного узника. Завуалированный, наверное, приказ.

То, что произошло дальше, в подробностях неизвестно. Томас Беркли предусмотрительно уехал – видимо, знал о готовящемся убийстве и не хотел в нем участвовать. Королева Изабелла находилась достаточно далеко – в Линкольне, и этот факт некоторые исследователи приводят как доказательство ее невиновности в преступлении: мол, она бы физически не успела в такие сроки и на таком расстоянии отдать приказ. Так она его и не отдавала. И Мария Стюарт напрямую не приказывала убивать своего мужа. И Екатерина II. За этих прекрасных дам всю грязную работу (от приказа до исполнения) сделали их подельники, прекрасно знающие, каково истинное желание благородных правительниц. Изабелла могла бы не утруждаться отдачей приказа, даже если бы находилась поблизости.

Есть версия, что якобы епископ Орлетон послал в Беркли записку на латыни, которую можно было толковать двояко – в зависимости от того, где поставить запятую: «Не убивайте Эдуарда, должно бояться так поступать» или «Не должно бояться убивать Эдуарда, так и поступайте». Орлетон потом даже выпустил «Апологию», где всячески открещивался от любых записок и приказов, да и вообще от связи с этим делом.

В общем, никто не виноват, а труп лежит. Как обычно.

Если убийство и правда имело место, главными исполнителями были, скорее всего, Мальтраверс и Томас Герни, еще один страж Эдуарда. Что касается способа убийства, то вер-

¹¹ Книга Экклезиаста (Екклесиаста) – книга, входящая в состав Ветхого Завета Библии.

сии разнятся. Самая дикая следующая. Ночью, когда король спал, на его тело положили доску от стола и изо все сил прижали, чтобы не вырвался. Потом вставили в задний проход жертвы раскаленный медный прут (или кочергу) и провернули внутри. Даже если отвлечься от ужасной жестокости этого способа и попытаться понять возможные побуждения убийц, все равно непонятно: зачем? Не проще ли подушкой задушить? Пишут, что убийцы не хотели оставлять на теле следов преступления (???). Но ведь существовала давняя традиция делать вскрытие тел умерших английских королей. С телом Эдуарда, кстати, так и поступили. То есть убийцы, наоборот, рисковали, что при вскрытии выяснится факт насильственной смерти.

И еще – хотели поиздеваться, напоследок таким образом выразив отношение к сексуальной ориентации низложенного короля. Но представим себе: этим неприятным людям поручено убить короля, то есть первую персону в Англии. Дело это грязное, опасное, последствия не ясны, поэтому провернуть его желательно быстро и без шума, с гарантией результата. Тут уж не до садистских фантазий. А как без шума, если жертва в момент убийства имеет возможность кричать, да еще и вряд ли умрет сразу, скорее всего, будет мучиться от нескольких часов до нескольких дней? А вдруг его кто-то увидит в таком состоянии? Вдруг какой гонец от королевы, от Эдуарда III или даже от Мортимера, а тут свергнутый король в таком виде? Или заметит умирающего в муках короля кто-то из слуг, растреплет еще где-нибудь от шока... К тому же в те времена в монархе видели не просто человека, облеченного властью – считалось, что он поставлен над своими подданными самим Богом. Убивать таким варварским способом венценосную особу, должным образом помазанную на царство, – это очень крепкие нервы надо было иметь. Да что там нервы, надо было быть полным отморозком. Может, кстати, Мальтраверс таким и был, кто его знает. Но его личные отрицательные качества не отменяют осторожности.

В ранних хрониках о смерти Эдуарда написано по-разному: или умер своей смертью, или был убит, но другим способом (скорее всего, задушен). Элисон Уэйр, автор книги «Французская Волчица – королева Англии Изабелла» пишет, что, скорее всего, свергнутый король был убит более гуманным и менее сложным способом, без применения кочерги или медного прута.

Однако она же рассказывает еще об одной версии судьбы Эдуарда II, причем версия эта, по мнению Уэйр, заслуживает серьезного рассмотрения. Однажды Эдуард III получил письмо от гнузского священника Мануэло де Фиески, клерка папы Иоанна XXII и вроде бы дальнего родственника самого Эдуарда II. В письме сообщалось, что отец Эдуарда III не умер в замке Беркли. Поменявшись одеждой со своим слугой, он убил привратника и выбрался из замка. Тайно жил в замке Корф, затем переправился в Ирландию, а следом в Нидерланды. Потом оказался в Авиньоне и встречался с папой Иоанном в его резиденции – тоже, разумеется, тайно. Позже посетил Париж, Брабант, Кельн (господи, что ж его мотало-то так?), потом в Милане поступил в обитель. И окончательно осел в Павии, тоже в обители. Его охранники, убоявшись ответственности за побег узника, выдали тело убитого привратника за тело короля. Бальзамировать тело пригласили не докторов и аптекарей, а местную знахарку, которая раньше короля в глаза не видела, – якобы чтобы скрыть подмену. Гроб выставили в церкви на всеобщее обозрение, но близко любопытствующих не подпускали – так, поглазели издали, и хватит с вас. Тут настораживают даже не конкретные действия тюремщиков, а психологический момент: так перепугались, так перепугались, что подменили тело! Что же когда короля в первый раз умыкнули из-под ареста, никто не перепугался, быстренько сообщили куда надо, организовали погоню и вернули узника в место заключения? А тут вдруг те же самые люди стали пугливыми как зайцы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.